

В. Е. Миллеръ.

НОВЫЯ ЗАПИСИ БЫЛИНЪ
ВЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.

199/185
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1900.

В. О. Миллеръ.

НОВЫЯ ЗАПИСИ БЫЛИНЪ
ВЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9 лнн., № 12.

1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русск. языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. 1-ой, стран. 36 — 78.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Вводныя замѣтки В. Θ. Миллера.	1—2
Тексты восьми былинь, записанныхъ В. Г. Богоразомъ въ области Нижней Колымы, съ критическими о нихъ за- мѣчаніями проф. В. Θ. Миллера:	
I. Дюнь Степановичъ	2— 6
<i>Замѣчанія</i>	6— 9
II. Илья и Идолище.	10—11
<i>Замѣчанія</i>	11—14
III. Потопъ Михайловичъ (= Иванъ Годиновичъ).	15—19
<i>Замѣчанія</i>	19—21
IV. Объ Иванѣ Нулановѣ.	21—23
<i>Замѣчанія</i>	23—27
V. Садко богатый купецъ.	27—29
<i>Замѣчанія</i>	29—30
VI. О Добрынь и Маринкѣ	30—32
<i>Замѣчанія</i>	32—34
VII. Зачинъ былины О нашествіи Батыги.	34—35
<i>Замѣчанія</i>	36—39
VIII. О Соколѣ Кораблѣ.	40—41
<i>Замѣчанія</i>	41—42

Новыя записи былинъ въ Якутской области.

[II].

Когда въ 1897 г. въ XXIX книжкѣ «Этнографическаго Обзорѣнія» я издалъ подъ этимъ заглавіемъ три вновь записанныя былины изъ Якутской области, я не думалъ, что мнѣ придется къ нему снова вернуться. Но въ послѣдніе годы поиски былинъ на крайнемъ сѣверѣ были особенно удачны: недавнія поѣздки членовъ Этнографическаго Отдѣла гг. Маркова и Григорьева въ Архангельскую губернію принесли намъ болѣе сотни былинъ съ Бѣлаго моря, которыя составятъ обширный, изготавляемый къ печати сборникъ. Почти одновременно съ европейскимъ сѣверомъ Россіи откликнулась снова былинами «сибирская украина», Колымскій округъ Якутской области. Тотъ же изслѣдователь сѣверо-восточныхъ частей Сибири, В. Г. Богоразъ, который записалъ три изданныя мною Якутскія былины ¹⁾, прислалъ недавно въ Этнографическій отдѣлъ еще восемь былинъ изъ тѣхъ же Колымскихъ мѣстъ. Напомнимъ, что раньше изданныя былины были записаны г. Богоразомъ со словъ мѣщанина Соковикова, по прозвищу Кулдаря, въ области Нижней

1) О Михаилѣ Данильевичѣ, о Добрынѣ Микитѣевичѣ, объ Алешѣ Поповичѣ.

Колымы. Отъ того же хранителя русской эпической старины, занесенной на крайній сѣверъ Сибири, удалось г. Богоразу записать еще пять былинь: 1, О Дюкѣ Степановичѣ; 2, Объ Ильѣ и Идолицѣ; 3, О Потопѣ Михайловичѣ (= Иванѣ Годиновичѣ); 4, Объ Иванѣ Кулаковѣ (= Иванѣ Гостиномъ сынѣ); 5, О Садкѣ богатомъ купцѣ. Шестая былина «О Добрынѣ и Маринѣ» восходитъ къ тому же Кулдарю, такъ какъ записана отъ его дочери. Седьмую, представляющую зачинъ былины о Батыѣ, сказывала также женщина — старуха казачка Марья Егорова. Наконецъ, восьмая — о Соколѣ кораблѣ — была записана г. Богоразомъ отъ слѣпца Кривогорницына.

I.

Дюкъ Степановичъ.

- Ахъ ты Дюкъ, ты Дюкъ, Дюкъ Степановичъ!
 Онъ охочъ булъ ѣздить за охотою,
 Онъ охочъ булъ стрѣлять гусей, лебедей,
 Перелетныхъ сѣрыхъ, малыхъ утокъ.
 5 Онъ въ полдень стрѣлять, а въ полночь собирать:
 Гдѣ стрѣла стоитъ, какъ свѣча горитъ,
 Какъ свѣча горитъ воску яраго.
 Ахъ верешки були строганы
 Изъ того же дерева изъ парсундрова ¹⁾,
 10 Какъ желѣзки були кованы
 Изъ того же желѣза изъ булатнаго.
 Не по томъ-то були стрѣлки дороги,
 Не по томъ-то були стрѣлки хороши:
 По ушкамъ-то були стрѣлки обвиты
 15 Аравинскимъ чистымъ краснымъ золотомъ;

1) Можетъ быть, искажено изъ *написандрога*.

- Не по томъ-то були стрѣлки дороги,
Не по томъ-то були стрѣлки хороши:
Еще перушки були орлиныя,
Не това Орла Орловича,
- 20 Не това, что летать по чисту полю:
Онъ вьетъ гнѣздо на сырѣмъ дубу,
Онъ роняетъ перья на чисто поле;
А това орла, птицы ханская ¹⁾,
Что летать, летать по синю мору
- 25 И вьетъ гнѣздо среди мора,
И вьетъ гнѣздо на камушкѣ,
На камушкѣ вьетъ гнѣздо, на Алатырѣ,
Онъ роняетъ перья во сине море.
Тутъ и бѣгаютъ гости карабельщики,
- 30 Вывозятъ перья на святую Русь,
Продаютъ тѣ перья дорогой цѣной.
Еще первое-то перушко во пятьсотъ рублей,
Второе вотъ перушко во тысячу,
Третьему перу цѣны не сказано.
- 35 По тому-то стрѣлки були дороги,
По тому-то стрѣлки були хороши.
Тутъ спроговорилъ Дюкъ, Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ не честь моя хвала молодецкая,
«Да не выслуга моя богатырская!
- 40 «Не буваль я во стольномъ градѣ во Кіевѣ,
«Не видалъ я солнушка Врандимира,
«Не видалъ я душечку Королевишну!»
Пріѣзжаетъ Дюкъ во стольной Кіевъ градъ,
Ко тому ко солнушку ко Врандимиру;
- 45 Онъ крестъ-то кладетъ по ученому, —
Онъ поклонъ отдаетъ по писанному.
Принимали Дюка съ честью съ радостью,

1) Искажено изъ *Камскія* (сравн. у Кирши Данилова).

- Посадили Дюка впередъ за столъ,
Впередъ его за столъ хлѣба кушати.
- 50 Подносили ему по румочкѣ;
Онъ румку принялъ, назадъ выплюнулъ;
Подносили Дюку по калачику;
Онъ калачикъ раскусилъ, назадъ выплюнулъ.
— «У моёй-то родной матушкѣ
- 55 «У ней чарочки були золочены.
«Чарку выпьешь, о другой душа горить,
«А калачикъ съѣшь, пуще хочется.»
Тутъ Чурило Дюка оговаривать:
— «Ахъ прямая ты дура деревеншина!
- 60 «Не бывать вамъ во стольномъ градѣ, во Кіевѣ,
«Не видать вамъ душечку Королевишну!...»
Засадили Дюка въ погребъ сороксаженной.
Тутъ споговорилъ солнушко Вбрадимиръ князь;
Отправляетъ онъ Дюковой родной матушкѣ
- 65 Описать Дюковы пожитки всѣ.
Посылаетъ онъ Добрынюшку Микитьевича,
Посылаетъ онъ Алешеньку Поповича
И того же владыку Черниговска
Описать Дюковы пожитки всѣ.
- 70 Пріѣзжаютъ они (къ) Дюковой родной матушкѣ
И входятъ они изъ сѣней во горенку.
«Здравствуй, Дюкова родна матушка!»—
— Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова чулошница!—
- 75 И проходятъ они изъ горенкѣ во горенку
«Здравствуй Дюкова родна матушка!»
— Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова портошница!—
И проходятъ они изъ горенкѣ во горенку:
- 80 «Здравствуй, Дюкова родна матушка!»
— Я не Дюкова родна матушка,

- А я Дюкова перчатощница! —
И проходятъ они изъ горенкѣ во горенку:
«Здравствуй, Дюкова родна матушка!»
- 85 — Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова рубашечница! —
И проходятъ они изъ горенкѣ во горенку:
«Здравствуй, Дюкова родна матушка!»
— Я не Дюкова родна матушка,
- 90 А я Дюкова калашница!
Дюкова-то родна матушка
Ушла во Божью церкву
Ушла Богу-то молитися. —
Ну пошли они во Божью церкву,
- 95 Ну выходятъ люди изъ Божьей церквѣ.
Устеленные мостички калиновы,
Разстеленныя сукны багрецевыя,
По бокамъ було изнавѣшано,
По праву руку було изнавѣшано,
- 100 Изнавѣшано лисицами бурнастыми,
По лѣву руку было изнавѣшано,
Изнавѣшано соболями заморскими.
Увидали Дюкову родну матушку:
Попередъ ѳи идутъ онѣ сорокъ вдовъ,
- 105 Позадѣ ѳи идутъ тоже сорокъ вдовъ,
По бокамъ ѳи идутъ по двѣдцати.
Несутъ надъ ней надсолнечники,
Позадѣ ѳи надмѣсячники,
По бокамъ-то несутъ отъ частыхъ звѣздочекъ.
- 110 «Здравствуй, Дюкова родна матушка!»
— Здравствуйте, удалы добры молодцы! —
Проводила она ихъ ко себѣ во дворъ...
«Мы посланы къ вамъ за Дюкова пожитками!»
Говорить имъ Дюкова родна матушка:
- 115 — Кланяйтесь солнушку Вранимиру:

Залажи свой стольной Кіевъ градъ,
Залажи за чернилы, да за гумагу,
Опиши тогда сиротскіе пожитки всѣ!
Выпускай мово сына любимаго,
120 Не то поступлю съ вами инаково!...—
Отдала она Алешенькѣ Поповичу,
Отдала она сапожки зеленъ софьянъ:
— По пирамъ тебѣ ходить, чужихъ бабъ смотрѣть!

.....
.....
Посылаетъ солнушку Вранимиру:—

125 — «Примите вы мои перчаточки,
Это Дюковы домашнія!»

.....
Подала она имъ по румочкѣ,
Подала имъ всѣмъ по калачику.
Чарку-то пьютъ, о другой душа горить;

130 Калачикъ-то ѣдятъ, пуще хочется.

.....
Выпускаютъ тутъ Дюка Степановича.
Выпускаютъ изъ погребѣ сороксаженнаго.

.....

Записано въ деревнѣ Коретовой отъ мѣщанина Михайла Соковикова,
прозвищемъ Кулдаря, весною 1895 года.

Былины о Дюкѣ Степановичѣ такъ многочисленны и разнообразны, что сличеніе извѣстныхъ доселѣ варіантовъ не даетъ возможности установить одну основную редакцію. Однѣ былины начинаются описаніемъ охоты Дюка за лебедями, причѣмъ останавливаются то подробно ¹⁾, то вскользь на его чудныхъ стрѣ-

1) Напр. Гильфердингъ МѢ № 225, 230; Рыбниковъ III, 29; IV, 9.

лахъ. Другія, минуя выѣзды Дюка, прямо переносятъ насъ въ Кіевъ на пиръ кн. Владимира и приводятъ хвастовство Дюка его богатствами. Въ однѣхъ Дюкъ испрашиваетъ у матери благословія ѣхать въ Кіевъ и выслушиваетъ ея совѣтъ не хвастать на пиру Владимира. Въ другихъ Дюкова матушка является во всемъ своемъ великолѣпіи только во второй половинѣ, когда принимаетъ у себя пословъ князя. Въ однѣхъ описываются заставы, встрѣченныя Дюкомъ на пути въ Кіевъ и его знакомство съ Ильей Муромцемъ. Другія ничего не говорятъ о походе Дюка на этомъ пути. Въ однѣхъ развивается подробно разсказъ о соперничествѣ Чурилы Пленковича съ Дюкомъ въ щегольствѣ и конской скачкѣ. Другимъ этотъ эпизодъ неизвѣстенъ и т. п. Ожидать отъ колымскаго варианта полноты и выдержанности, конечно, нельзя, въ виду сдѣланнаго г. Богоразомъ заявленія, что «въ настоящее время старины (на Колымѣ) почти совершенно утрачены изъ народной памяти, и отъ нихъ сохранились только нѣкоторые беспорядочные отрывки»¹⁾. Тѣмъ не менѣе колымскій вариантъ содержитъ довольно связный, хотя и сокращенный, пересказъ основного сюжета былины и представляетъ спеціальнѣйшій интересъ для вопроса объ ея сибирскомъ изводѣ. Первая часть колымскаго варианта — до пріѣзда Дюка въ Кіевъ, — лучше сохранившаяся, чѣмъ вторая (хвастанье Дюка на пиру богатствомъ) и третья (повѣрка словъ Дюка у него на дому посольствомъ князя), довольно близка къ варианту Кириши Данилова, который выгодно отличается отъ прочихъ намъ извѣстныхъ полнотою описанія выѣзда Дюка. Конечно, вариантъ К. Данилова гораздо обстоятельнѣе колымскаго: онъ знаетъ, что Дюкъ выѣзжаетъ изъ Волынца красна Галичья, что давно забыто на крайнемъ сѣверѣ Сибири, онъ описываетъ Дюкова коня, его доспѣхи — куякъ и панцырь чиста серебра, кольчугу красна золота, тугой лукъ, колчанъ — и затѣмъ только доходитъ до описанія стрѣлъ. Колым-

1) См. мои Очерки, стр. 415.

скій варіантъ упомянулъ только чудесныя стрѣлы Дюка, но въ описаніи ихъ не менѣе подробенъ, чѣмъ варіантъ К. Данилова ¹⁾, хотя нѣкоторыя географическія указанія, малопонятныя въ Колымскомъ округѣ, либо опущены, либо искажены. Такъ въ немъ нѣтъ упоминанія, что стрѣлы Дюковы строганы въ Новгородѣ, а орелъ, птица камская,—

Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,

А тоя-то Камы за синимъ моремъ,—

названъ болѣе понятнымъ именемъ — птицей ханской. Сходны оба сравниваемые варіанта и въ томъ, что въ обоихъ нѣтъ упоминанія о совѣтахъ матери Дюка передъ его отъѣздомъ въ Кіевъ. Во 2-ой и 3-ей части сходства между обоими варіантами значительно меньше, но здѣсь, кажется, болѣе вѣрность преданію на сторонѣ колымскаго варіанта. У Кириши Данилова, въ противорѣчіе съ большинствомъ другихъ записей былины, хвастовство Дюка не влечетъ за собою посаженія его въ погребъ и отправки посольства Владимиромъ для провѣрки хвастовства пріѣзжаго богатыря. Напротивъ самъ князь вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ къ нему на родину. Колымскій варіантъ сохранилъ обычное посольство, хотя въ число посланныхъ княземъ лицъ неожиданно включилъ владыку Черниговскаго, не упоминаемаго въ этомъ сюжетѣ въ изводѣ Кириши Данилова. По прихоти народной памяти, былина, записанная на крайнемъ сѣверовостокѣ Сибири, сохранила, хотя и некстати, эпическое имя, едва-ли что нибудь говорившее воображенію сильно обаякутившагося населенія береговъ Колымы. Нетрудно догадаться, откуда явился владыка Черниговскій въ варіантѣ г. Богораза. Припомнимъ, что въ олонекскомъ варіантѣ (Гильферд. № 153), рассказывающемъ о состязаніи Дюка съ Чурилой въ щегольствѣ, за перваго является поручителемъ —

1) У К. Данилова описаніе стрѣлъ занимаетъ 30 стиховъ; въ Колымскомъ варіантѣ—32 стиха.

Тотъ владыка Черниговскій
И тотъ крестовый его батюшка ¹⁾).

Весьма вѣроятно поэтому, что въ болѣе выдержанномъ изводѣ, предшествовавшемъ колымскому варианту, владыка Черниговскій упоминался въ этой роли поручителя за Дюка.

Колымскій вариантъ значительно полнѣе другого сибирскаго (К. Данилова) и въ описаніи великолѣпія Дюковой матушки. Былина К. Данилова совсѣмъ утратила, сохраненный другими вариантами, пышный выходъ матерой вдовы изъ церкви. Новый вариантъ сохранилъ въ этомъ эпизодѣ нѣкоторыя архаическія черты, хотя изъ желанія придать выходу больше великолѣпія къ традиціоннымъ подсолнечникамъ или надсолнечникамъ (т. е. балдахинамъ) прибавилъ некстати «надмѣсячники» и какіе-то навѣсы «отъ частыхъ звѣздочекъ».

Интересна сохранившаяся въ концѣ былины подробность— дары Дюковой матушки. Забывъ о двухъ другихъ послахъ Владимира—Добрынѣ Микитьевичѣ и некстати приплетенномъ владыкѣ Черниговскомъ,—матера вдова надѣляетъ Алешу Поповича сафьяновыми сапожками, иронически прибавляя:

«По пирамъ тебѣ ходить, чужихъ бабъ смотрѣть!» — и посылаетъ князю Владимиру въ даръ, также не безъ ироніи, «Дюковы домашнія перчаточки».

Замѣтимъ въ заключеніе, что, несмотря на скомканность, колымскій вариантъ нѣкоторыми своими чертами указываетъ на хорошій источникъ, на болѣе полный изводъ, въ которомъ былина о Дюкѣ была когда-то занесена русскими поселенцами въ Якутскую область, и съ этой стороны представляетъ несомнѣнный интересъ.

1) Столб. 781.

II.

Илья и Идолице.

- Ну скажу вамъ старину стародавнюю:
На гору старъ идетъ, какъ соколъ летитъ,
Подъ гору старъ идетъ, колесомъ катитъ.
На встрѣчу ему калига перехожая,
5 Перехожая калига переѣзжая.
Тутъ споговорилъ Илюшенька Ивановичъ:
— «Ахъ калига ты, калига перехожая,
«Да откуда ты идешь и куда пошелъ,
«Да откуда ты пошелъ и куды идешь?»
10 — Я иду, иду изъ Нова-города,
Ну пошелъ я калига ко Чернигову!
«Еще кто у васъ во Новѣ-городѣ на большинѣ?
Еще кто у васъ во Новѣ-городѣ намѣстникомъ?»
— На большинѣ Идолице поганое,
15 Намѣстникомъ Шамшамуринъ Константиновичъ!—
«Ну скидавай ты свое платье калицкое,
«Надѣвай ты мое платье богатырское,
«Дожидай меня, калига, во Черниговѣ!»
Доходилъ онъ до Новаго до города,
20 Помалешеньку подходилъ подъ окошечко,
Попросилъ-то Илюша святу милостынку:—
Со церквей всѣ кресты приклонились,
Съ потолковъ всѣ верхи прираскрылись.
Принимаютъ калигу съ честью съ радостью,
25 Провели они калигу во свѣтлу гриню,
Посадили то калигу впередъ за столъ,
Впередъ его за столъ хлѣба кушати.
Тутъ споговорилъ то Идолице поганое,
Еще тотъ же Шамшамуринъ Константиновичъ:

- 30 — «Не видалъ ли, не слыхалъ ли про Илюшеньку,
Про Илюшеньку про Ивановича?»
— А мы носимъ цвѣтно платье съ одного плеча!—
«Ху-ху-ху, братцы, хо-хо, расхохонюшки!
«Гдѣ сказали про Илюшу, будто онъ больной,
35 «Гдѣ сказали про Ивановича, будто онъ страшной?
«На ладонь бу посадилъ, да другой бу придавилъ!»
Не случился у Илюшѣ его доброй конь,
Не случилась у Илюшѣ сабля вострая,
Случилась одна шляпа черномуровка.
40 Тутъ-то Илюшѣ за бѣду стало,
Не за малаю досаду показалось.
Ну хваталъ онъ свою шляпу Черномуровку,
Ну стрѣлялъ-то во Идолица поганого,
Еще такъ сильно стрѣлили, стѣной вывалилъ.

Записана отъ Михайла Кулдаря одновременно съ предыдущей.

Былина очень кратко передаетъ содержаніе сюжета, но не лишена интереса по нѣкоторымъ подробностямъ, поднимая вопросы по сложенію былины, напр. вопросъ объ ея основномъ типѣ.

Въ другихъ варіантахъ извѣстно двоякое прикрѣпленіе Идолица; въ большинствѣ этотъ насильникъ появляется въ Кіевѣ, при дворѣ кн. Владимира ¹⁾. Въ меньшинствѣ записей онъ насильничаетъ въ Царьградѣ у царя Константина Боголюбовича ²⁾. Въ Сказаніи о семи русскихъ богатыряхъ Идолице Жидовское также въ Царьградѣ, но состоитъ, какъ богатырь, на службѣ царя Константина, такъ же какъ Тугаринъ Зміевичъ ³⁾. Новый варіантъ показываетъ, что въ былевомъ эпосѣ существовало и третье прикрѣпленіе Идолица — къ Новгороду. Трудно думать,

1) Напр. Гильфердингъ №№ 178, 186, 245, 144 (=Рыбн. III, 7), 106, 22, 4.

2) Гильфердингъ №№ 48 (=Рыбник. I, 47), 196. Тихонравовъ-Миллеръ II, № 13.

3) Тихонравовъ-Миллеръ I, стр. 49, 50.

чтобъ это прикрѣпленіе было недавнее, происшедшее уже въ Якутской области. Вѣроятно, что былина принесла съ собою Новгородъ въ Сибирскую Украину, такъ какъ едва ли эпическій городъ Кіевъ, столь извѣстный даже на Колымѣ, еслибъ онъ дѣйствительно упоминался въ старинномъ изводѣ, былъ бы замѣненъ Новгородомъ, благодаря какимъ нибудь намъ неизвѣстнымъ соображеніямъ. Самыя выраженія о Новгородѣ въ колымскомъ вариантѣ, какъ будто, отзываются стариною: Идолище является тамъ на бѣльшинѣ, намѣстникомъ, да и имя города сохранило свою старинную форму (въ Новъ-городѣ, а не въ Новгородѣ, какъ было бы при недавнемъ внесеніи этого названія). Поэтому, можетъ быть поставленъ вопросъ, которое изъ трехъ ¹⁾ извѣстныхъ намъ прикрѣпленій было въ древнѣйшемъ или основномъ типѣ былины. Вопросъ долженъ быть поставленъ, но положительныхъ данныхъ для его рѣшенія я пока еще не вижу. Только въ видѣ догадки высказываю предположеніе, что наиболѣе распространенное въ вариантахъ прикрѣпленіе Идолища къ Кіеву, быть можетъ, наиболѣе позднее. По видимому, на подробности разсказа о подвигѣ Ильи — убіеніи Идолища въ Кіевѣ — повліялъ давно прикрѣпленный къ Кіеву подвигъ Алеши Поповича, его бой съ Тугариномъ Зміевичемъ. Припомнимъ, что, при видѣ обжорства Тугарина, Алеша угрожаетъ ему участію обжорливой коровы, принадлежавшей Алешину отцу, Попу Левонтію Ростовскому и лопнувшей отъ обжорства. Этой насмѣшкой онъ такъ уязвляетъ Тугарина, что тотъ бросаетъ въ него ножомъ. Тоже самое находимъ въ былинахъ объ Ильѣ и Идолищѣ: здѣсь также Илья, при похвальбѣ Идолища своимъ обжорствомъ, упоминаетъ корову то попа Левонтія ²⁾ (т. е. Алешина отца), то своего отца ³⁾, и разъяренный Идолище бросаетъ въ него ножомъ. Намъ кажется, что этотъ

1) Говорю о 3-хъ прикрѣпленіяхъ въ виду того, что встрѣчающійся въ одномъ вариантѣ вмѣсто Царьграда—Іерусалимъ, смѣшивается съ первымъ. См. Кирѣев. IV, № 5.

2) Напр. Гильфердингъ № 484 (=Рыбн. I, 47).

3) Гильфердингъ № 245, 186, 178.

эпизодъ принадлежалъ искони былинамъ объ Алешѣ и въ послѣдствіи, по сходству между Тугариномъ и Идолищемъ былъ внесень въ былины о послѣднемъ. Въ силу замѣтнаго въ эпосѣ стремленія приурочивать подвиги богатырей къ Кіеву, быть можетъ, и столкновеніе Ильи съ Идолищемъ, происходившее раньше не въ Кіевѣ, было перенесено въ нашъ эпическій центръ подъ ближайшимъ вліяніемъ кіевского подвига Алеши Поповича. Объ архаичности прикрѣпленія Идолища къ Царьграду свидѣтельствуетъ «Сказаніе о семи кіевскихъ богатыряхъ», дошедшее до насъ въ записи XVII в., но сложенное, быть можетъ, еще въ XVI столѣтіи. Кромѣ этого внѣшняго свидѣтельства, въ пользу архаичности прикрѣпленія подвига Ильи къ Царьграду можно, кажется, привести и слѣдующія соображенія. Существенной подробностью былины объ Ильѣ и Идолицѣ является то, что Илья узнаетъ о насильничаніи Идолища отъ встрѣченнаго имъ случайно калики (Иванища) и беретъ у него его круту каличью, чтобы въ видѣ калики пойти въ городъ, гдѣ насильничаетъ Идолище. Если мы припомнимъ, что обычная цѣль хожденія нашихъ каликъ Іерусалимъ и Царьградъ, то такое переодѣваніе Ильи каликой, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что въ одеждѣ калики ему всего удобнѣе скрыть себя въ такомъ городѣ, гдѣ пришлые съ разныхъ сторонъ калики составляли обычное явленіе. Самая идея выставить любимаго русскаго богатыря освободителемъ Царьграда и царя Константина Боголюбовича отъ басурманскаго насильника, который запрещаетъ звонъ колоколовъ и подаваніе милостыни «спасенныя» странникамъ, могла, какъ мнѣ кажется, возникнуть у русскаго народа послѣ взятія Царьграда турками въ связи со слухами о притѣсненіяхъ, творимыхъ басурманами надъ православными. Илья, постоянно отражающій побѣдоносно отъ стѣнъ Кіева стариннаго заклятаго врага Руси Татаръ, долженъ былъ, въ народномъ сознаніи, очистить отъ такихъ же басурманъ православный Царьградъ, представлявшійся русскимъ почти роднымъ городомъ, благодаря своему церковному ореолу.

Труднѣе объяснить мотивъ освобожденія Новгорода отъ Идолища Ильей, нашедшійся въ восточно-сибирскомъ изводѣ былины. Можетъ быть, здѣсь механическая замѣна одного города другимъ, — Царьграда Новгородомъ — только благодаря звуковому сходству второй части обоехъ названій; но въ такомъ случаѣ странно, что сказитель, сдѣлавшій эту замѣну, позабылъ эпического цареградскаго царя Константина Боголюбовича. Не беру на себя уяснить отношеніе между Царьградомъ нѣкоторыхъ вариантовъ и Новымъ городомъ восточно-сибирскаго. Но упомяну кстати, что въ одной Олонецкой былинѣ объ Ильѣ и Идолищѣ ¹⁾, гдѣ Идолище насильничаетъ въ Царьградѣ, въ этомъ городѣ оказывается рѣка Волховъ. Когда Илья убилъ Идолище,

«Покатилась головище, какъ пивной котель,
Полетѣли глазища быдто селезни,
И поплыли по Волхову,
Понесло его тушу сѣнную, несмѣтную».

Изъ другихъ подробностей колымскаго варианта можно отмѣтить, что въ немъ Илья не названъ Муромцемъ. Это опять поднимаетъ вопросъ, случайно ли выпалъ обычный эпитетъ Ильи, или богатырь въ былинахъ, занесенныхъ въ восточную Сибирь, еще не назывался Муромцемъ. Но для рѣшенія и этого вопроса, въ виду отсутствія упоминаній объ Ильѣ въ другихъ доселѣ извѣстныхъ восточно-сибирскихъ былинахъ, мы не имѣемъ данныхъ. Въ русской сказкѣ объ Ильѣ, записанной у Якутовъ, Илья носить свое обычное прозвище Муромца ¹⁾. Но сказка былинѣ не указка.

1) Прихода Кулгала Филимоновской волости, Каргопольскаго уѣзда, изданной въ «Памятникахъ народнаго творчества Олонецкой губерніи» Е. Барсова, стр. 29—34.

1) См. Верхоянскій сборникъ, — Иркутскъ, 1890, стр. 254—268.

III.

Потомъ Михайловичъ (=Иванъ Годиновичъ).

- Не черенъ-то воронъ въ поле вылетувать,
Не ясенъ-то соколъ выпархивать,
Выѣзжаетъ-то Суханъ, сынъ Домантьевичъ.
Подъ нимъ доброй-отъ конь, аки лютой звѣрь,
5 На конѣ то онъ сидитъ, какъ сизой орѣль.
Его ясныя очи, какъ у сокола,
Его черныя брови, какъ два соболя,
Его буйная глава, какъ пивной котель.
Приѣзжаетъ то Суханъ въ стольной Кіевъ градъ,
10 Перескакивать заплоть онъ, желѣзной тынъ,
Ни къ чему-то онъ коня не привязывать,
Никому-то онъ коня не приказывать.
Приворотникамъ Суханъ не сказываль,
У придверниковъ Суханъ, братцы, не спрашиваль.
15 Открываетъ онъ у грини двери на пятау,
Закрываетъ то у грини двери накрѣпко.
Онъ крестъ-отъ кладетъ по ученому,
Онъ поклонъ отдаетъ по писанному,
Онъ кланяется на всѣ четыре стороны,
20 Онъ князю со княгинею на особицу.
Принимали-то Сухана съ честью съ радостью,
Ну садили Сухана-то впередъ за столъ,
Ну впередъ его за столъ хлѣба кушати.
Тутъ спроговорилъ нашъ солнушко Вѣдимиръ князь:
25 — Гдѣ ты, Суханъ, былъ, еще гдѣ ты побуваль? —
«Еще булъ я во далечѣ во чистомъ полѣ,
«Еще далѣе того за сине море,
«Еще булъ я у Захара у Макарьевича,
«Еще видѣлъ я душечку Лебедушку Захарьевну,

- 30 «На бѣло она бѣла, какъ и бѣлой снѣгъ,
«Ея ясныя очи, какъ у сокола,
«Ее черныя брови, какъ два соболя,
«Ее черныя рѣстницы до полубѣла лица!»
Тутъ сидѣль-отъ нашъ Потопъ сынъ Михайловичъ,
- 35 Изъ-за дубова стола онъ повыскочилъ.
И сталъ онъ на рѣзвыя на ноженьки,
И на тѣже на сапожки на зеленъ софьянъ,
И кланяется онъ солнушку Владимиру:
— «Ахъ ты гей еси, солнушко Владимиръ князь!
- 40 «Ахъ ты буль-то мнѣ родной дяденька,
«А теперь-отъ будь мнѣ родной батюшка!
«Ты позволь мнѣ споженитися,
«На душечкѣ Лебедушкѣ Захарьевнѣ!»
Тутъ спроговорилъ солнушко Владимиръ князь:
- 45 — Ты возьми моихъ сто стрѣльцовъ,
— Ты возьми моихъ сто кулачныхъ бойцовъ!—
— «А не надобѣ твоихъ сто стрѣльцовъ,
«А не надо твоихъ сто кулачныхъ бойцовъ!
«А вы дайте мнѣ Добрынюшку Микитьевича,
- 50 «А вы дайте Сухана сына Домантьевича,
«А вы дайте Алешеньку Поповича!»
Еще долго богатыри не думали,
Ну поѣздку-то держали во чисто поле.
На (в)стрѣчу имъ калига перехожая
- 55 Перехожая калига, переѣзжая.
Тутъ спроговорилъ Добрыня Микитьевичъ:
— «Ахъ калига ты, калига перехожая,
«Перехожая ты калига, переѣзжая!
«Скидавай ты свое платъице колицкое,
- 60 «Надѣвай ты мое платье богатырское!»
А въ ту пору калига заспиралася.
Соскакуваль Добрыня со добра коня,
Хваталь-ту калигу за честны кудри,

- Бросаль-то калигу объ сыру землю.
- 65 Еще тутъ-то калига не пошатнулася.
Ну хватала-те калига Добрынюшку,
Ну бросала-то Добрыню о сыру землю,
Еще всё костье суставчики повыставила.
Тутъ спроговорилъ Суханъ сынъ Домантьевичъ:
- 70 — «Скидавай свое ты платъице калицкое,
«Надѣвай мое платъе богатырское!»
Соскакувалъ Суханъ со добра коня,
Хваталь-то калигу за честны кудри,
Бросаль-то калигу объ сыру землю.
- 75 Еще въ ту пору калига не пошатнулася,
Хватала-то калига Сухана то она,
Хватала-то Сухана на круту бедру,
Бросала Сухана объ сыру землю,
Еще всё костье суставчики повыставила.
- 80 Тутъ соскакувалъ Потопъ-отъ Михайловичъ,
Хваталь-то калигу за честны кудри,
Бросаль-то калигу объ сыру землю,
Ужъ такъ иі разболокъ, какъ и мать родила...
.....
Ну долго богатыри не думали,
- 85 Поѣздку держали во чисто поле,
Пріѣзжаютъ они Захарью Макарьевичу,
Разоставили шатры-тѣ бѣлы-полотняны.
Тутъ спроговорилъ-то Потопъ Михайловичъ,
Посылаетъ онъ Добрыню Микитьевича,
- 90 Посылаетъ онъ Сухана сына Домантьевича,
Посылаетъ онъ Алешеньку Поповича,
На душечкѣ Лебедушкѣ-то свататься.
Тутъ спроговорилъ Захаръ Макарьевичъ:
— «Моя душечка Лебедушка просватана,
- 95 «За того же за Кошеля¹⁾ за Трепѣтаго!»

1) Кошель—Кощей.

Тутъ спрговорилъ Алешенька Поповичъ младъ:

— «А ты честно не дашь, мы не честно возьмемъ!—

Ну хваталь-то Алеша за праву руку,

Ну хваталь-то Добрыня за лѣву руку,

100 Отступаетъ-то Захаръ сынъ Макарьевичъ.

Ну долго богатыри не думали,

Поѣздку держали во чисто поле.

.....

Поѣхали. На далико (?) стало ихъ мѣсто, онъ остано-
вливаются.

Посылаетъ онъ Добрыню Микитьевича,

105 Посылаетъ онъ Сухана сына Домантьевича,

Посылаетъ онъ Алешеньку Поповича:

— «По утру меня встрѣчали бу съ невѣстою!»

Налетѣлъ тутъ Кошель Трепѣтой

На Потопа на соннаго налетѣлъ, а невѣста тоже богаты-
рица; Потопа, его одолили, приковали чумбурами желѣзными.

Вынималъ Кошель Трепѣтой его тугой лукъ.

110 Накладувать-то онъ калену стрѣлу,

И стрѣляетъ-то въ Потопа Михайловича.

Тутъ сказала-то душечка Лебедушка,

Душечка Лебедушка Захарьевна:

— «Не стрѣлай ты Потопа Михайловича,

115 «Богатырская стрѣла не путемъ идетъ!»

Не послушался Кошель душечку Лебедушку,

Ну стрѣлялъ-то онъ въ Потопа Михайловича,

Обрубаль-то всѣ чумбуры желѣзные.

Тотъ опростался.

Поималъ онъ свою саблю, саблю вострую,

120 Изрубилъ-то онъ Кошеля Трепѣтаго

и ии (в)мѣстѣ.

И приѣзжаетъ онъ одинъ безъ невѣстѣ.

Тутъ споговорилъ то Алешенька Поповичъ младъ;
— «Здорово-ли вамъ жениться, только не съ кѣмъ
стать!» ¹⁾

Записана отъ Михайла Кулдаря одновременно съ предыдущей.

Въ своей рукописи г. Богоразъ называлъ эту былинѣ «Суханъ сынъ Домантьевичъ». Прочитавъ это названіе, я надѣялся найти въ былинѣ вариантъ, соответствующій заглавію, тѣмъ болѣе цѣнный, что Суханъ—лицо сравнительно мало извѣстное въ нашемъ эпосѣ. Однако, пришлось немедленно разочароваться. Въ былинѣ Суханъ—второстепенное лицо: ея содержаніе ничего не имѣетъ общаго съ обычнымъ сюжетомъ былинъ о Суханѣ. Сюжетъ колымской былины—неудачная женитьба Ивана Годиновича, который, по смѣшенію, названъ Потопомъ (т. е. Потокъ) Михайловичемъ. Смѣшеніе обоихъ богатырей можно объяснить себѣ нѣкоторымъ сходствомъ между ними по отношенію къ женщинамъ. Оба были неудачны въ женитьбѣ: у обоихъ жены-красавицы оказались коварными, у обоихъ соперникомъ является Кощей, оба наказываютъ соблазнителя жены и расправляются съ измѣнницей.

Колымская былина для развитія главнаго сюжета — увоза невѣсты богатыремъ, преслѣдованія его Кошеемъ, ихъ борьбы и проч. — не представляетъ ничего оригинальнаго. Притомъ сказитель (Кулдаръ) плохо помнилъ эту часть былины. Интереснѣе ея первая половина, значительно отличающаяся отъ обычнаго начала былинъ про женитьбу Ивана Годиновича. Припомнимъ, что въ послѣднихъ обыкновенно зачинъ составляетъ пиръ у Владимира въ Кіевѣ. На пиру сидитъ невеселъ одинъ Иванъ Годиновичъ и на вопросъ князя о причинѣ его тоски, сообщаетъ ему свое намѣреніе жениться и имя намѣченной имъ невѣсты. Владимиръ предлагаетъ племяннику свою рать, чтобы ѣхать свататься. Но Иванъ Годиновичъ проситъ у князя себѣ

1) Слѣдуетъ: спать.

въ товарищи только трехъ богатырей, съ которыми и отправляется къ отцу облюбованной имъ дѣвицы. Колымскій варіантъ въ отличіе отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ имѣеть зачиномъ выѣздъ въ поле богатыря Сухана Домантьевича и приѣздъ его къ князю Владимиру. Приѣздъ Сухана по смыслу былины понадобился только для того, чтобъ богатырь могъ сообщить, что видѣлъ Лебедушку Захарьевну и описаніемъ ея красоты побудить Потопа Михайловича, княжого племянника, къ поѣздкѣ за нею. Спрашивается, почему Суханъ, этотъ рѣдкій гость нашихъ былинъ, попалъ здѣсь въ число лицъ (въ родѣ Мишатки Путятича, гостя Василя и проч.), указывающихъ на пиру Владимира видѣнную ими красавицу. Можетъ быть, просто по смутному припоминанію какой то черты былины о Суханѣ. Припомнимъ, что въ двухъ олонецкихъ былинахъ объ этомъ богатырѣ ¹⁾ (а о немъ вообще дошло до насъ только три былины) онъ на пиру Владимира обѣщаетъ привезти князю живьемъ лебедь бѣлую. Здѣсь рѣчь идетъ о настоящей птицѣ; но Лебедь бѣлая извѣстное прозвище, въ другихъ былинахъ, невѣсты Потопа (Авдотьи Лиховидовны). Такъ была вѣроятно осмыслена лебедь бѣлая какимъ нибудь сказителемъ и въ былинѣ о Суханѣ. Поэтому не труденъ былъ и дальнѣйшій шагъ по пути искаженія: Суханъ въ колымскомъ варіантѣ говоритъ уже не о лебедь-птицѣ, а о дѣвицѣ-душечкѣ-лебедушкѣ Захарьевнѣ.

Внесенный въ былину, какъ указатель невѣсты, Суханъ далѣе пригодился какъ спутникъ жениха вмѣстѣ съ Добрыней и Алешей. Ихъ троихъ Потопа Михайловичъ предпочитаетъ сотнѣ стрѣльцовъ (черта XVII столѣтія), предлагаемыхъ ему княземъ въ спутники. Похожденіе жениха и его спутниковъ на пути къ отцу Захарьевны не имѣетъ ничего соотвѣтствующаго въ извѣстныхъ доселѣ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ, ничего не знающихъ о встрѣчѣ богатырей съ каликой перехожей. Но вставка калики въ колымской былинѣ объясняется сплошнымъ

1) Рыбниковъ I № 6; Гильфердингъ № 63.

недоразумѣніемъ. Припомнивъ калику переходящую, напр. въ былинѣ объ Ильѣ и Идолицѣ, одинъ изъ сказителей некстати внесъ его въ другой сюжетъ, не подумавъ о томъ, что отправляющемуся за невѣстой богатырю незачѣмъ домогаться одежды каличьей. Другой сказитель пошелъ еще дальше по пути искаженія: не понявъ, что за личность калика, онъ принялъ его за богатыршу-женщину и постоянно говоритъ о немъ въ женскомъ родѣ. Припоминая смутно богатыршъ въ былинахъ, какую нибудь бабицу Латыгорку, онъ сдѣлалъ калигу сильнѣе спутниковъ Потопа — Добрыни и Сухана (объ Алешѣ онъ позабылъ), и только самъ Потопъ справился съ калигой,

«Бросалъ-то калигу объ сыру землю,
Ужъ такъ ии разболокъ, какъ мать родила».

Для чего нужна была эта встрѣча съ калигой сказитель не разъяснилъ, потому что даже одеждой его Потопъ не воспользовался.

Вторая половина былины частью выпала изъ памяти сказителя и досказана иногда прозою, такъ что не представляетъ никакого интереса.

IV.

Объ Иванъ Кулаковъ.

Бился, рубился Иванъ Кулаковъ,
Онъ много полонилъ киселя съ молокомъ,
Чашки и ложки онъ подъ медъ склонилъ,
Шаньги, пироги во полонъ полонилъ.
5 А у нашего у солнышка, у Владимира,
Было столованье, почестень столъ,
Было пированье, почестень пиръ

Собирались святорусскіе могучіе богатыри
И вся поленица удалая.

10 Тутъ спроговорилъ нашъ батюшка Вбрадимиръ князь:

— «Всѣ вы святорусскіе, могучіе богатыри,

«И вся поленица удалая!

«Кто со мной бьется объ великъ закладъ?»

Сталъ онъ на рѣзвыя на ноженьки,

15 На тѣже на сапожки, на зеленъ софьянъ,

На тѣже каблучки на верейчатые,

На тѣже на гвоздочки на серебряные:

— «Кто со мной бьется о великъ закладъ,

«Да не о сто рублей, не о тысячу,

20 «О своей онъ о буйной о головушкѣ,

«Или объ моей любимой о племянницѣ,

«А по имени Марфѣ Сеславьевнѣ,

«Чтобы сбѣгать отъ Кіева до Чернигова

«Два девяноста умѣрныхъ верстъ

25 «Между заутреней и обѣднею?»

Большой-отъ хоронится за средняго,

Середній хоронится за младшаго,

А отъ младшаго, братцы, отвѣта нѣтъ!

Ну спроговорилъ, спроговорилъ Иванъ Кулаковъ,

30 Изъ-за дубова стола онъ колесомъ пошелъ:

— «Я съ тобой бьюсь объ великъ закладъ,

«Не о двѣсти рублей, не о тысячу,

«О своей я о буйной о головушкѣ,

«О твоей о любимой о племянницѣ,

35 «Чтобы сбѣгать отъ Кіева до Чернигова

«Между заутреней и обѣднею

«Два девяноста умѣрныхъ верстъ!»

Поклонъ онъ отдалъ, самъ и вонъ пошелъ,

Кирпищатой полъ по колѣнъ ступаль.

40 На встрѣчу ему его доброй конь

Его бурочка, сивогривочка,

Троетравочка, троелѣточка:

— «Ахъ хозяинъ мой, хозяинъ ты мой ласковой,

«Ну, хозяинъ мой, хозяинъ ты привѣтливой!

45 «Какъ на пиръ пошелъ, о чомъ веселъ булъ?

«А ты съ пиру ту идешь, чомъ не веселъ сталъ?»

— Ахъ ты бурочка, сивогривочка,

«Троетравочка, троелѣточка!

«Пьянскимъ я дѣломъ призахвастался,

50 «Бился съ княземъ о великъ закладъ,

«Чтобы сбѣгать отъ Кіева до Чернигова!»

Ну какъ стала съ Иваномъ поигравати,

Начала Ивана за шубочку подергивати,

По два соболя выдергивати.

55 — «Ну, ставъ меня на холсты на бѣлые,

«Ну, корми ты меня пшеною бѣлоярою,

«Ну тогда теба, хозяинъ, я повыручу!

«Есть у цара сивогривой жеребецъ,

«Есть у цара говорливой жеребецъ,

60 «Есть у цара вороной-бороной!

«То и есть мой большой-то братъ;

«А я въ жару-то войду, и ему не уступлю!»

Поскакали отъ Кіева до Чернигова.

Съ часъ полчасъ мѣста Иванъ Кулаковъ оставилъ, въ пол-
службѣ пріѣхалъ Кіевъ и взялъ племянницу.

Записана отъ Михайла Кулдаря одновременно съ предыдущей.

Въ виду того, что былины объ Иванѣ Гостиномъ дошло до насъ мало (не болѣе семи), новый вариантъ объ этомъ молодцѣ, названномъ здѣсь Иваномъ Кулаковымъ, является особенно цѣннымъ. Интересно припомнить, что въ богатомъ былинномъ инвентарѣ Олонецкой губерніи записано не болѣе пяти

вариантовъ объ Иванѣ Гостиномъ и притомъ отъ сказителей довольно посредственныхъ. Лучшіе знатоки былины не внесли этой былины въ свой репертуаръ. Болѣе посчастливилось Ивану Гостиному въ Сибири. Помимо хорошаго варианта Кирши Данилова мы находимъ цѣнный вариантъ въ записи С. Гуляева въ Барнаульскомъ округѣ Томской губерніи и узнаемъ изъ колымскаго варианта, что похождение Ивана при дворѣ Владимира дошло и до крайняго сѣверо-востока Сибири.

Любопытно далѣе, что при общемъ захуданіи былевого эпоса въ восточной Сибири былина въ своемъ запѣвѣ сохранила скоморошью традицію, повидимому, съ нѣкоторою сибирской окраской (шаньги). Имя Кулаковъ Иванъ получилъ также въ Сибири, такъ какъ этого фамильнаго имени Иванъ нигдѣ болѣе не носитъ. О томъ, что зачину былины предшествовалъ запѣвъ, въ большинствѣ вариантовъ утраченный, свидѣлствуетъ барнаульскій вариантъ, хотя въ немъ запѣвъ не носитъ юмористическаго характера:

«Доброму, братцы, вездѣ добро,
Хорошему, братцы, вездѣ хорошо,
Удалому доброму молодцу погибели нѣтъ!»

Скоморошій запѣвъ при этой былинѣ сохранилъ и совершенно скомканный вариантъ ея, записанный въ Валдайскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи ¹⁾:

«Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было;
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднёсъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывать,
А вы, старички, вы послушайте»...

Начало колымской былины сохранилось на столько полно,

1) См. Кирѣевскій — В. III, № 1.

что можно было бы ожидать такой же полноты въ окончаніи. Но, къ сожалѣнію, память и въ этомъ случаѣ измѣнила Кулдарю: ему пришлось досказать былину «своими словами» и окончить ее несогласно съ обычнымъ исходомъ.

Изъ отдѣльныхъ подробностей варіанта стоитъ отмѣтить лишь немногія.

Такъ, въ немъ сохранилось то же цифровое обозначеніе разстоянія отъ Кіева до Чернигова, какое мы находимъ у Кирши Данилова. Въ соотвѣтствіи со стихами:

Что бы сбѣгать отъ Кіева до Чернигова
Два девяноста умѣрныхъ верстъ
Между заутреней и обѣднею...

мы читаемъ у Кирши Данилова:

Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежъ обѣдней и заутренею ¹⁾.

Новымъ, но едва ли согласнымъ съ традиціей, является въ нашемъ варіантѣ дополненіе, что ставкой бѣга князь Владимиръ назначаетъ руку своей племянницы. Но имя этой племянницы—Марѳа Сеславьевна—отзывается эпической стариной: это имя женщинъ близкихъ къ князю Владимиру: такъ, въ Фепоновской былинѣ ²⁾ о змѣборствѣ Добрыни княжеская дочь, вырученная богатыремъ отъ змѣя, называется Марфидой Всеславьевной (вм. Владимировной), а въ былинѣ Кирши Данилова о Волхѣ Всеславьевичѣ (племянникѣ Владимира) его мать княжна носитъ имя Марѳы Всеславьевны ³⁾.

1) Въ вариантахъ: Гильфердингъ № 133 показано 300 верстъ; № 135—303 версты; Рыбниковъ III, № 34—333 версты; Тихонравовъ-Миллеръ № 55—тридевятисто верстъ.

2) Гильфердингъ № 59.

3) Такъ какъ князь Владимиръ называется въ былинахъ Сеславичемъ, то это отчество очевидно искажено изъ Святославича.

Во второй части былины можно отмѣтить нѣкоторыя искаженія, указывающія, впрочемъ, на болѣе ранній хорошій изводъ. Припомнимъ, что въ варіантѣ Кирши Данилова конь Ивана Гостинаго, чтобъ своими приѣмами произвести эффектъ на князя Владимира и его бояръ, даетъ ему такой совѣтъ:

«Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня,
Только берись за шелковъ поводокъ,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздѣнь на себя шубу соболиную,
Да котора шуба въ три тысячи,
Пуговки въ пять тысячей,
Поведешь по двору княженецкому;
А стану-де я, бурка, передомъ ходить,
Копытами за шубу посапывать,
И по черному соболу выхватывать,
На всѣ стороны побрасывать.—
Князи, бояра подивуются,
И ты будешь живъ—шубу наживешь,
А не будешь живъ, будто нашиваль».

На Колымѣ эта подробность стала безцѣльной и убыточной для Ивана шуткой его коня, которому почему-то вздумалось поиграть съ хозяиномъ:

Ну какъ стала съ Иваномъ поигрывать,
Начала Ивана за шубочку подергивати,
По два соболя выдергивати.

Дальнѣйшая путаница произошла съ эпитетами коней Владимира, который въ концѣ варіанта даже названъ царемъ, хотя въ первой половинѣ еще называется княземъ. Второй его конь оказывается говорливымъ жеребцомъ, въ чемъ нетрудно признать искаженіе эпитета кологривый (какъ онъ называется у Кирши Данилова). Третій конь князя не только вороной,

какъ въ другихъ вариантахъ, но еще и бороной. Интересно бы знать, какъ понималъ этотъ эпитетъ сказитель Кулдарь, если онъ, вообще, понималъ его.

Наконецъ, какъ извѣстно изъ вариантовъ, до настоящаго бѣга коней—Иванова и княжескихъ—между Кіевомъ и Черниговымъ дѣло не доходитъ. Конь Ивана уже на княжескомъ дворѣ разгоняетъ всѣхъ трехъ жеребцовъ Владимира и производитъ такой переполохъ среди князей и бояръ, что состязаніе не можетъ состояться. Кулдарь словами досказалъ, будто Иванъ Кулаковъ съѣздилъ въ Черниговъ, вернулся въ полслужбѣ (т. е. до окончаніи обѣдни) въ Кіевъ и взялъ княжюю племянницу. Если это не личное измышленіе сказителя, то во всякомъ случаѣ подробность, внесенная въ былинку уже на почвѣ восточной Сибири.

V.

Садко богатый купецъ.

Ай по мору, мору, мору синему,
Туды бѣгали ровно тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со корабликомъ.
Какъ изъ нихъ одинъ попередь бѣжить

5 Попередь бѣжить, какъ соколъ летить.

Ну вставалъ, братцы, корабликъ вдругъ на якорь,
Никуды корабликъ не пошатнется.

Тутъ спрговорилъ, братцы, Садко, богатъ купецъ:
«Ахъ вы братья мои, сотовариши!

10 «Какъ давно мы синя мора мы не даривали,

«Какъ давно мы синя мора не жаловали!

«Ну бросайте въ моро злота и серебра!»

Бросили они злота и серебра,

Никуды корабликъ не пошатнется.

- 15 Тутъ спроговорить Садко, богатъ купецъ:
— «Ну доспѣйте, братцы, всѣ по жеребью!
«Ай кому изъ насъ идти ко морскому цару!»
Ну доспѣли они всѣ по жеребью
Изъ того же изъ бѣлаго серебра,
- 20 И бросали они во сине море.
Еще всѣ эти жеребьи заплавали,
Какъ бѣлые лебеди на заводи.
Садкинъ жеребей, какъ ключъ, ко дну.
— «Ну, доспѣйте, братцы, всѣ по жеребью
- 25 «Изъ того же изъ чистаго золота
«Еще спустимте, братцы, въ синее море!»
И бросали они во сине море.
Еще всѣ эти жеребьи ко дну пошли,
Садковъ жеребей поверхъ плаваетъ.
- 30 — «Ну братцы, мои сотоварищи,
«Мнѣ ка идти ко морскому цару!
«Вы давайте бумажку скоропищатую,
«Вы чернилишко дайте со перушкомъ!
«Опишите вы, братья, мои пожитки всѣ!»
- 35 Которое онъ пишетъ къ отцу матери,
Которое онъ пишетъ къ молодой женѣ,
Которое онъ пишетъ къ малымъ дѣтушкамъ,
Которое онъ пишетъ ко Божьей церквѣ,
И такъ скоро писали, прошли три года.
- 40 «Вы подайте плаху бѣлодубову,
«Еще тѣже гусельцы не играны,
«Положите мя на плаху бѣлодубову,
«Опустите мя во сине море!»
Взялъ онъ съ собой звончаты гусли
- 45 И плаваетъ на плахѣ бѣлодубовой
И играетъ онъ во звончаты гусли.

Корабли убѣжали, онъ остался одинъ.

- И во снѣ онѣ видитъ сновидѣніе—
 «Что дойдешь ты ко морскому царю,
 «Станетъ тебя женить морской-отъ царъ.
 50 «Не бери ты дѣвицу бѣляницу,
 «А бери ты дѣвицу чернавицу!»
 Привелъ морской царъ двѣнадцать дѣвушекъ,
 Всѣ онѣ бѣлыя, красивыя.
 Одна дѣвица похуже всѣхъ,
 55 Одна дѣвица почернѣе всѣхъ.
 Не взялъ онѣ дѣвицу бѣляницу,
 А взялъ онѣ дѣвицу чернавицу,
 За правую вывелъ за рученьку.

.....

Записана отъ Михайла Кулдаря одновременно съ предыдущей.

Большинство былинь о Садкѣ представляютъ болѣе или менѣе связный рассказъ объ его чудесномъ обогащеніи, состязаніи богатствомъ съ Новгородомъ и затѣмъ переходятъ къ его морскому приключенію. Колымскій вариантъ рассказываетъ только о послѣднемъ и этимъ напоминаетъ по плану былинѣ Кирши Данилова (№ 44), носящую заглавіе: «Садковъ корабль сталъ на морѣ». Въ эпизодъ метанія жеребьевъ внесена нѣкоторая путаница: обыкновенно Садковъ жеребей не изъ того матеріала, изъ какого сдѣланы жеребья его сотоварищей; по его расчету, онѣ должны плавать по поверхности, когда другіе должны потонуть, или наоборотъ, согласно съ условіемъ, которое должно содѣйствовать Садку уклониться отъ спуска въ море. Колымская былина сдѣлала всѣ жеребья одинаковыми — сначала серебряными, потомъ золотыми — и не уяснила, почему хотя золотые жеребья Садковыхъ товарищей пошли ко дну, а его такой же жеребей плаваетъ поверхъ воды, Садко выводитъ

отсюда, что ему должно идти къ морскому царю. Не совсѣмъ осмысливъ эпизодъ гаданья, колымскій варіантъ за то сохранилъ одну подробность, утраченную большинствомъ другихъ, именно составленіе Садкомъ завѣщанья передъ тѣмъ какъ ему быть спущеннымъ въ море. Мы знаемъ эту, повидимому, старинную подробность только изъ одной хорошей олонеккой былины Сорокина, записанной отъ него сначала Рыбниковымъ, затѣмъ Гильфердингомъ ¹⁾.

Похожденіе Садка у Морского царя, — его игру на гусяхъ и пляску царя — Кулдарь забылъ довольно основательно, такъ что вторая половина былины лишена интереса.

VI.

О Добрынь и Маринь.

- По три года Добрынюшка стольничалъ,
По три года Добрыня приворотничалъ,
По три года корабли снастилъ.
Миновалось тому ровно девять лѣтъ,
5 На девятой годъ Добрынюшка гулять пошелъ,
Не за той ли онъ пошелъ за охотою,
За своей молодецкою заботою:
Погулять, поискать красныхъ дѣвушекъ.
Не нашелъ Добрыня красныхъ дѣвушекъ,
10 Выходилъ онъ на широкую улицу,
Ко тому-то ко терему Маринину.
Выпускала тутъ Маринка това голуба,
Ужъ какъ голуба со голубушкою.
Они крылушками обнимаются,
15 Они ноженьками оплѣтаются,

1) Рыбниковъ, I, 64 = Гильфердингъ № 70.

- Сахарными устами тутъ цѣлуются.
Покажися то Добрынѣ за досадушку,
За досадушку, да за великой гнѣвъ.
Онъ выдергивалъ изъ налучня свой тугой лукъ,
20 Вынималъ онъ изъ тулу-те калиную стрѣлу,
Онъ стрѣлялъ во голуба со голубкою.
Богатырская стрѣла то не путемъ пошла,
Не путемъ пошла, колесомъ (в)звела,
Не попала во голуба со голубкою,
25 Поподала то Маринѣ во косящато окно,
Вотыкалася стрѣла во кирпичатъ полъ.
Выходила тутъ Маринка по плечъ въ окно:
— «Ты пошто, Добрыня, самъ на самъ не сватаешься,
«Посылаешь ко мнѣ свата калину стрѣлу?»
30 «Калина твоя стрѣла не умѣтъ говорить!»
Подходилъ-то Добрыня ко косящату окну,
Еще била йво Марина по бѣлому лицу,
По той же Добрыню по румяной по щекѣ,
Обернула его сивымъ турымъ волкомъ,
35 Отпустила Добрыню во чисто поле,
Приковала-то Добрынѣ золоты рога,
Поставила его на большинѣ всѣмъ.
По утру-то Маринка собирала пиръ,
Еще всѣхъ своихъ собрала подруженьковъ.
40 На ту пору Маринка прирасхвасталась:
«У меня-то у Маринки было девять мужевьевъ,
«Какъ десятой-то Добрыня Микитычъ младъ!»

- Случилася тутъ Добрынѣ крестова сестра,
Изъ-за дубова стола вонъ повыскочила,
45 Еще била тутъ Маринку по бѣлу по лицу,
По той ли, Маринку, по румяной по щекѣ,
Изъ-д-румяной-то щекѣ кровь пробрызгивать:
— «Ахъ ты, сука б...., Маринка, ты зельница,

- «Ты зельница, бездѣльница, чародѣйница!
- 50 «Ты не знаешь ли меня, Марѳу Сеславьевну?
«Разверни мово брата Микитьевича!
«Еще хошь ли, Маринка, я кобулой оберну,
«За тобой я за Маринкой жеребцовъ спущу?
«Еще хошь ли, Маринка, я те сукой оберну,
55 «За тобой я за Маринкой кобелей пушу?
«Еще хошь ли ты, Маринка, я синичкой оберну?»
Еще тутъ же ей Маринка увзмолилася:
«Разверну твоего брата Микитьевича!
«Ты не бей меня, Маринку, по бѣлу по лицу!
- 60 «Ужъ на бѣлое лицо синивицы подошли!»
Оттого-то ужъ Марѳа разгнѣвалась,
Обернула Маринку сорокою.

Записана отъ Арины Четвериковой, дочери Кулдаря, въ г. Нижнеколымскѣ лѣтомъ 1896 г.

Первые два стиха колымскаго варіанта сохранили довольно точно обычный зачинъ былины о походженіи Добрыни съ Мариной:

«По три годы Добрынюшка стольничаль,
По три годы Добрыня приворотничаль»...

читаемъ мы, напримѣръ, въ былинѣ Гильфердинга (№ 227); но въ третьемъ родѣ службы Добрыни явилась совершенно своеобразная подробность въ восточно-сибирскомъ изводѣ: Добрыня оказывается судоходомъ вродѣ новгородскаго купца Садка: онъ по три года корабли снастилъ. Это оснащиванье кораблей, конечно, не вяжется съ службой Добрыни при князѣ Владимирѣ, но колымскій варіантъ вовсе не упоминаетъ князя и не приурочиваетъ походженія Добрыни къ городу Кіеву, какъ большинство другихъ варіантовъ. Оснащиваніе кораблей, вѣро-

ятно мѣстная черта, находящаяся въ связи съ рыбнымъ промысломъ колымскаго населенія.

Запомнивъ въ главныхъ чертахъ содержаніе былины, дочь Кулдаря, или ея источникъ, значительно упростила и сократила ходъ разсказа. Забыта мать Добрыни, дающая ему совѣтъ не ходить на улицу Маринкину, забытъ любовникъ Марины змѣй Горыничъ, забыто колдовство ея, съ цѣлью приворожить къ себѣ Добрыню, который подъ вліяніемъ ея ворожбы идетъ къ ней вторично. Былина помнитъ только обращеніе Добрыни Мариною въ животный образъ, но и здѣсь древне-русскій туръ былъ осмысленъ, какъ сивый турый волкъ. Чтò представляла себѣ сказительница въ эпитетѣ волка турый трудно догадаться. Можетъ быть, онъ понимался ею въ связи съ глаголомъ турить, турять — гнать, туркій — проворный, быстрый, туровый (влг. новгор.) — прыткій, бойкій. Какъ бы то ни было, традиція помнила, что у Добрыни въ животномъ образѣ были рога; но такъ какъ у волка, хотя бы у тураго, роговъ не полагается, то Маринѣ пришлось приковать Добрынѣ золоты рога. — Въ оправданіе восточно-сибирскаго непониманія тура можно привести, что и былины европейской Россіи этого старичнаго звѣря плохо помнятъ: фантазія сказителей награждаетъ тура золотыми рогами, серебряными ногами, шерстью рыта бархата и даже даетъ ему (Гильфердингъ № 316) эпитетъ «морского», т. е. заморскаго. Да и постоянный эпитетъ тура «гнѣдой», несоотвѣтствующій, какъ указалъ проф. Сумцовъ, дѣйствительной окраскѣ шерсти тура, который былъ чернаго цвѣта, перенесенъ на него съ зубра ¹⁾).

Неровности въ традиціи замѣтны и въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа послѣ обращенія Добрыни въ тураго волка. Колымскій варіантъ еще помнитъ, что заступницей за Добрыню является его крестовая сестра и очень ярко изображаетъ ея

1) См. мои Очерки, стр. 154.

стычку съ Мариной на пиру ¹⁾. Онъ даетъ сестрѣ богатыря старинное эпическое имя Марѣы Сеславьевны, которое мы выше встрѣтили въ прикрѣпленіи къ дочери кн. Владимира. Но въ немъ эта заступница Добрыни слишкомъ рано обращаетъ Марину сорокою, раньше чѣмъ она возвратила богатырю человѣческій видъ, такъ что объ этомъ вторичномъ обращеніи Добрыни изъ животнаго въ богатыря нѣтъ рѣчи, такъ же какъ о казни, обычно совершаемой Добрыней надъ Мариной. Вообще, какъ во всѣхъ другихъ колымскихъ былинахъ, окончаніе и здѣсь сильно скомкано.

VII.

*Зачинъ былины о нашествіи Батыги *).*

Ахъ вы, два тура, братцы златорогіе,
Два братца, вѣрно, родимые,
Мати у нихъ турица златорогая.

[Отплывали отъ бережка отъ прикрутого,

5 Приплывали ко песку ко сыпучему.]

Вышла, выходила ихъ матушка,
Брала она ихъ за руки за бѣлья,
Ну за тѣ за перстни за злаченные,
Приводила ихъ она въ нову горенку,

10 Посадила за столики дубовые.

«Ахъ вы два, вы два тура златорогіе!

«Гдѣ вы були, гдѣ вы побули,

«И чего вы видѣли, чего слышали?

— «Ахъ мы були во Шаховѣ, да во Яковѣ,

15 «Польскую землю въ полночь прошли,

1) Сестра Добрыни въ этой роли упоминается въ былинахъ Гильфердинга №№ 163, 316 и Кирѣевского II, стр. 40 и 45.

*) Въ рукописи г. Богораза дано заглавіе: Шальма (духовный стихъ).

- «Въ стольной Кіевъ градъ на зарѣ пришли,
«На той же зорѣ ранной, зорѣ утренной,
«И въ ту же заутрѣну благовѣщенску.
«Зашли мы во Божью церкву Богу помолитися:
- 20 «Этакое диво мы, матушка, не видѣли,
«Этакое чудо мы, родная, не слышали:
«Изъ права алтара вышла красна дѣвица,
«У ней русая коса до пояса,
«У ней очи ясны, какъ у сокола,
- 25 «Черны брови у ней, какъ два соболя,
«Лицомъ бѣла, щеки, какъ двѣ маковицы.
«Во рукахъ держитъ книжку, Евангеліе,
«Она чтетъ Евангеліе, какъ рѣка, текоть.
[«И сама она плачетъ, какъ рѣка, текоть,
- 30 «Возрыдаетъ она, какъ погода бьетъ.]
— «Ахъ вы дѣти мои родимыя,
«То вышла не дѣвица не красная,
«А то сама мать Пресвятая Богородица,
«Она слышитъ надъ Кіевомъ не(в)згодушку,
- 35 «Ну не(в)згодушку то она знаетъ немаленькую.
.....
Подымаетъ идолица четырнадцать головъ,
Хочетъ сбить, спалить стольной Кіевъ градъ,
Пресвятую Богородицу на огонь спустить.
.....
«Ахъ вы дѣти мои, дѣти милыя,
- 40 «Заступите вы за стольной Кіевъ градъ,
«И за мать Пресвятую Богородицу!
.....

Записано отъ восьмидесятилѣтней казачьей вдовы Марьи Егоровой на
урочищѣ Стадухино лѣтомъ 1896 года. Вставки записаны отъ Кулдаря.

Среди процесса захуданія, естественно постигшаго нашъ былевой эпосъ въ отдаленной сибирской Украинѣ, уцѣлѣлъ въ видѣ обломка старинный зачинъ о турахъ и турицѣ, этотъ уписанъ нашего эпоса, чудесная легенда, прикрѣпленная къ былинѣ о нашествіи на Кіевъ Батыги и о подвигѣ Василя пьяницы. Въ моей статьѣ объ этой былинѣ я старался доказать полное несоотвѣтствіе зачина съ содержаніемъ ея, рѣзкую противоположность между печальнымъ тономъ легенды и скоморошнымъ, кабацкимъ пошибомъ самого разсказа, прикрѣпленнаго, какъ я думаю, въ позднее время къ древнему зачалу, нѣкогда предшествовавшему печальной повѣсти о разгромѣ матери городовъ русскихъ Батыемъ. Колымская запись поднимаетъ, но, къ сожалѣнію, не рѣшаетъ интересный вопросъ. Имѣемъ ли мы здѣсь легенду о турахъ еще не прикрѣпленную къ былинѣ о Василя пьяницѣ, весьма пошлой работы, или отсутствіе былины объясняется только случайностью, тѣмъ, что сказительница, казачка Марья Егорова, ее не помнила. Въ пользу перваго предположенія, т. е. что колымская запись представляетъ нѣчто болѣе или менѣе законченное, говорить, повидимому, то обстоятельство, что она называется *шальмою* (т. е. псалмою, духовнымъ стихомъ). Но считать это положительнымъ доказательствомъ цѣльности и самостоятельности я еще не рѣшаюсь. Какъ бы то ни было колымская запись по своимъ деталямъ представляетъ значительный интересъ. Разсказъ о турахъ и турицѣ въ ней полнѣе, чѣмъ во многихъ олонекскихъ вариантахъ, и хотя не свободенъ отъ искаженій, указываетъ на нѣкоторыя своеобразныя черты сибирскаго извода. Обыкновенно туры, гуляя въ чистомъ полѣ, идутъ мимо Кіева и видятъ чудо чудное, какъ дѣвица ходитъ по стѣнѣ города, читаетъ Евангеліе и льетъ надъ нимъ слезы. Здѣсь же, въ соотвѣтствіи съ вариантомъ, записаннымъ С. Гуляевымъ въ Барнаульскомъ округѣ, Томской губерніи¹⁾, туры сначала переплываютъ какое то водное пространство

1) Тихонравовъ-Миллеръ, II, № 39.

Отплывали отъ бережка прикрутаго,
Приплывали ко песку ко сыпучему ¹⁾).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ вариантъ Гуляева начинается стихами:

Плавятся, переплавляются черезъ сине море
Два тура однорогіе, златорогіе,
Златорогіе, одношерстные.

Не представляя себѣ ясно, что за существа эти туры, надѣленные даромъ слова, колымская сказительница допустила смѣшную несообразность, заставивъ ихъ мать привѣтствовать ихъ тѣмъ обычнымъ способомъ, какой полагается былиннымъ этикетомъ. Матушка беретъ туровъ за бѣлыя руки, за злечные перстни, приводитъ въ нову горенку и сажаетъ за столы дубовые. Не достаетъ только обычной детали этой эпической картинки: цѣлованія въ уста сахарныя. Однако эта яркая оплошность сказительницы не лишаетъ интереса дальнѣйшихъ подробностей, описанія турами видѣннаго ими чуда. Разсказъ объ этомъ снова напоминаетъ барнаульскую былинку. Туры говорятъ, что были въ какихъ то (повидимому городахъ) Шаховѣ да Яковѣ, и Польскую землю въ полночь прошли, прежде чѣмъ притти въ городъ Кіевъ. Въ олонекскихъ былинахъ нѣтъ никакихъ подобныхъ городовъ. Но въ барнаульской, соотвѣтственные стихи даютъ также названія двухъ городовъ, хотя довольно сомнительныхъ:

Были мы въ Ахтѣ ²⁾ городѣ и въ Араховѣ ³⁾,
Во стольномъ городѣ Кіевѣ.
У той было у церкви у соборныя ⁴⁾.

1) Вставка Кулдаря.

2) Можетъ быть, Охтѣ?

3) Можетъ быть, Орѣховѣ?

4) Въ видѣ попытки къ уясненію обоихъ загадочныхъ названій мѣстностей, считаемъ возможнымъ привести слѣдующую догадку г. А. Маркова:
«Въ отрывкѣ былины, записанномъ въ Терской области (Соболевскій,

Но колымскіе туры, по недомыслию сказительницы, оказались благочестивѣе барнаульскихъ. Они не только остановились у церкви, но вошли въ нее «Богу помолитися» и видѣли, какъ изъ праваго алтаря вышла красна дѣвица съ Евангеліемъ. Въ этой подробности колымскій вариантъ стоитъ особнякомъ среди другихъ, въ которыхъ дѣвица съ Евангеліемъ представляется идущей по стѣнѣ городской. Въ барнаульской, болѣе

Великор. нар. пѣсни, I, 571), названія мѣстъ, гдѣ были туры, читаются ближе къ колымскому пересказу:

«Да мы были, матушка, во Шахарѣ,
Мы гуляли, родная, во Яхерѣ;
Мы Русскую землю сквозь прошли».

Въ колымской былинѣ рядомъ съ загадочными названіями упоминается, вмѣсто Русской—Польская земля; это даетъ право объяснить странныя созвучныя названія искаженіемъ двухъ также созвучныхъ именъ, весьма употребительныхъ рядомъ: чахи и ляхи. Въ записанной мною былинѣ о Дунаѣ, съ Терскаго берега (на Бѣломъ морѣ), богатырь говоритъ Владимиру:

«Я вѣдь знаю, князь Владимиръ, тебѣ красну дѣвицу,
Я во томъ знаю во Цяхови, во Ляхови
У того-ли короля все Ляхоминьского».

Въ той же былинѣ, записанной А. Д. Григорьевымъ въ Поморьѣ, Дунай находитъ невѣсту князю

«Да во той-ли земли да Шеховинскіи
У того-ли короля у Леховинского».

Затѣмъ Дунай приходитъ «къ королю въ Литву» и кричитъ ему:

«Ужъ ты гой еси, король да Шаховинскіи,
Шаховинскіи да и король Ляховинскіи!»

Чахи и ляхи (или чахове и ляхове) постоянно встрѣчаются рядомъ: въ старыхъ памятникахъ русской письменности, въ сѣверно-русской пословицѣ («между чахи и ляхи») и въ пословицѣ лужицкихъ сербовъ («то су мое чехи а лехи». См. лѣтопись подъ гг. 1019, 1111, 1219 и др.; Ждановъ, Русскій былевой эпосъ», 95 и примѣч.; Забѣлинъ, Исторія русской жизни, II, 451—2; Подвысоцкій, Словарь областного архангельскаго нарѣчія, 89). Если мы вспомнимъ, что туръ обычно носить эпитетъ гнѣдого, указывающій на смѣшеніе этого животнаго съ зубромъ, до сихъ поръ сохранившимся въ прежней Литовской землѣ, и что въ одной былинѣ онъ называется прямо литовскимъ (Рыбниковъ, I, 318), то въ словахъ туровъ колымской былины можно съ достаточной вѣроятностью видѣть указаніе на западныя страны: туры были у чеховъ, у ляховъ и прошли всю Польскую землю.»

близкой къ колымской, дѣвица выходитъ наружу изъ церкви соборной. Оба сибирскіе варіанта словами турицы прямо поясняютъ, что красна-дѣвица съ Евангеліемъ—Мать пресвятая Богородица, оплакивающая угрожающую Кіеву невзгodu. Въ прочихъ варіантахъ, за исключеніемъ одного у Гильфердинга (№ 231), плачетъ мать стѣна городова, олицетворенная дѣвией. Наконецъ, дальнѣйшее сходство обѣихъ сибирскихъ былинъ въ томъ, что мать туровъ убѣждаетъ ихъ заступиться за стольный Кіевъ градъ, и за мать Пресвятую Богородицу. Въ Барнаульской соотвѣтственные стихи читаются такъ:

«О вы дѣтушки родимыя,
Постойте за стольной Кіевъ градъ,
За домъ Пресвятыя Богородицы
За ту ли церковь соборную».

Такого обращенія турицы къ турамъ нѣтъ въ другихъ варіантахъ, и я склоненъ думать, что, быть можетъ, въ этой подробности сибирскій изводъ былины, представленный барнаульскимъ и колымскимъ варіантами, сохранилъ черту старины. Впрочемъ, еслибъ эта подробность была и добавлена, она въ связи съ другими чертами, сближающими оба варіанта, позволяетъ говорить о сибирскомъ изводѣ своеобразной легенды о турахъ, остающейся еще до сихъ поръ не разъясненной. Мы все еще не въ состояніи уяснить, откуда явилась въ нашемъ эпосѣ странная картина этихъ туровъ и турицы, надѣленныхъ разумомъ и рѣчью и соболѣзнующихъ о судьбѣ Кіева.

VIII.

О Соколѣ корабль.

- Ай по мору же по синему Хвалынскому
Туды бѣгалъ то Соколѣ корабль по тридцать лѣтъ,
Онъ по три года на якорѣ не стаивалъ,
Ко крутому бережечку не пришативался,
5 [Ко морскимъ желтымъ песочкамъ не присачивался]
Краю желтаго песочка (въ) глазахъ не видалъ.
Еще всѣмъ то Соколѣ корабль изукрашенъ былъ,
Еще носъ ли корма по туриному,
Ну бока були взведены по лашиному (sic).
10 Ну на Соколѣ на кораблѣ немного людей,
И только три удалы добры молодцы.
Ну что носомъ то владалъ младъ Полканъ богатырь,
Ну кормою то владалъ младъ Алеша Поповъ,
На середочкѣ сидѣлъ Илья Муромецъ,
15 На середочкѣ сидитъ, всѣмъ онъ кораблемъ владать.
На Полканѣ то шапка желѣзная,
На Алешенькѣ сапожки зеленъ софьянъ,
На Илюшенькѣ кофтанчикъ рудожелтой комкѣ,
На кафтанѣ те петельки шелковыя,
20 Во петелькахъ пуговики золочены,
Во каждой во пуговкѣ по камушку,
Ну по дорогу по камушку по яхонту,
Во каждомъ во камушкѣ по льву звѣру.
Нападали на Соколѣ корабль черны вороны,
25 Ну крымскіе татары со колмыгами,
Ну хотѣли то Соколѣ корабль разбить, разгромить,
Ну разбить, разгромить и живкомъ задавить.
Тутъ Илюшенька по кораблю похаживаетъ,
Онъ тросточкой по пуговкамъ поваживается.
30 Ну во пуговкахъ камушки разгоралися,

Его лютые звѣри разсержались,
 И что крымскіе татара испужались,
 А калмыги въ сине море побросались,
 А удалы добры молодцы оставались,
 35 Отъ Кіева до Чернигова добирались...
 [Припѣвъ послѣ каждой строки:
 Сдудина ты, сдудина! Сдудина ты, сдудина!]

Записано отъ слѣпого шестидесятилѣтняго старика Митрофана Криво-
 горницына въ д. Походской лѣтомъ 1896 года.

Пѣсня объ Ильѣ на Соколѣ кораблѣ, записанная въ губер-
 ній Саратовской, на Уралѣ, въ Сибири, но неизвѣстная олонец-
 кимъ сказителямъ, повидимому, продуктъ волжскихъ разбой-
 никовъ. Въ нѣкоторыхъ версіяхъ Илья замѣненъ Стенькой
 Разинымъ, котораго корабль назывался Соколомъ. Популя-
 рность пѣсни засвидѣтельствована тѣмъ, что она попала въ
 Пѣсенникъ начала XIX-го вѣка (1805 г.). Версія, записанная
 г. Богоразомъ, всего болѣе приближается къ варианту, запи-
 санному С. П. Шевыревымъ въ Саратовской губерніи ¹⁾; но
 сличеніе показываетъ, что на Колымѣ пѣсня сохранилась въ
 болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ Европейской Россіи. Вмѣсто
 двухъ богатырей (Полканъ и Илья, Святогоръ и Илья), упоми-
 наемыхъ въ европейскихъ вариантахъ, колымскій, держась эпи-
 ческаго числа *три* и трехъ частей корабля (корма, носъ и се-
 редка), помѣстил на Соколѣ третьяго богатыря Алешу Попова,
 сохранившаго въ Сибири вполнѣ свой древній богатырскій об-
 ликъ, значительно потускнѣвшій въ Россіи. Прежніе варианты
 описываютъ только кафтанъ рудожелтой камки, надѣтый на
 Ильѣ: колымскій упоминаетъ о шапкѣ желѣзной Полкана и зе-

1) См. Кирѣевскій, вып. I, стр. 22.

ленныхъ сафьяновыхъ сапожкахъ Алеши. Позднѣйшую и неудачную прибавку представляютъ два послѣдніе стиха:

А удалы добры молодцы оставались,
Отъ Кіева до Чернигова добиралися.

Этихъ стиховъ нѣтъ въ доселѣ извѣстныхъ вариантахъ и прибавившій ихъ сибирякъ едва ли представлялъ себѣ, какимъ путемъ могли «добры молодцы» съ Хвалынскаго (Каспійскаго) моря добраться до Чернигова. Не считая этой надставки, колымскій вариантъ можетъ считаться самымъ полнымъ между всѣми вариантами этой пѣсни.

Подводя итоги колымскимъ былинамъ, доставленнымъ г. Богоразомъ въ настоящее время и раньше, мы видимъ, что въ этомъ негостепріимномъ захолустѣ полуобъякутившіеся потомки русскихъ колонистовъ все еще держатъ въ памяти часть того былиннаго преданія, которое ихъ предки занесли съ собою на новыя мѣста поселенія. Они помнятъ трехъ главныхъ богатырей нашего эпоса Илью, Добрыню и Алешу Поповича, причемъ послѣдній сохранилъ въ восточной Сибири свой древній богатырскій характеръ лучше, чѣмъ въ Олонецкой губерніи. Они знаютъ походы Ивана Годиновича и Ивана Гостиннаго, хотя перваго переименовали въ Потопа Михайловича, а второму дали фамильное имя Кулакова; помнятъ прїѣзжаго въ Кіевъ богатыря Дюка Степановича, хотя забыли о его галицкой родинѣ; помнятъ морское приключеніе Садка богатаго и старинную легенду о турахъ и турицѣ; наконецъ, не забыли двѣнадцатилѣтка богатыря Михаила Даниловича, полузабытаго въ Европейской Россіи. Если еще на нашихъ дняхъ на Колымѣ можно было собрать эти цѣнные остатки былиннаго репертуара, то, нѣтъ сомнѣнія, что въ прошломъ столѣтіи могъ бы быть въ восточной Сибири составленъ не менѣе обильный сборникъ бы-

линъ, чѣмъ въ западной (сборникъ Кирши Данилова). Поэтому, наблюдая географическое распространіе былинь, невольно приходишь къ мысли о высокомъ національномъ значеніи нашего народнаго богатырскаго эпоса. Оставляя въ сторонѣ его художественную цѣнность, мы смѣло можемъ сказать, что ни одинъ эпосъ міра не имѣлъ такого обширнаго географическаго распространенія среди создавшаго его народа. Роскошный эпосъ Эллиновъ только путемъ школьнаго обученія въ теченіе тысячелѣтій сталъ міровымъ достояніемъ образованныхъ классовъ, совершилъ кругосвѣтное путешествіе; но, когда жилъ въ устахъ грековъ, былъ извѣстенъ лишь въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ греческой рѣчи. Нашъ эпосъ путемъ устной традиціи живетъ еще въ наши дни на огромномъ пространствѣ Европы и Азіи, отъ Бѣлаго моря до Колымы, отъ Ледовитаго океана до подножья Кавказскаго хребта. Наши старинныя эпическія пѣсни съ кievскими богатырями и новгородскими удалцами сопровождали нѣкогда сибирскихъ піонеровъ въ ихъ послѣдовательномъ движеніи, достигшемъ Берингова пролива; ихъ разносило съ собою наше казачество на Уралъ и на Терекъ. Примѣняясь къ условіямъ новой почвы и климата, ведя борьбу съ природой и людьми, принимая инородческіе обычаи и одежду, научаясь для сношеній языку инородческихъ сосѣдей, измѣняясь даже въ своемъ физическомъ обликѣ чрезъ смѣшанные браки, русскіе поселенцы на ряду съ православіемъ хранили, на сколько могли, поэтическое наслѣдіе исторической старины, замѣнявшее имъ историческое знаніе, и почерпали въ немъ, какъ и въ унаслѣдованномъ языкѣ, сознаніе своего единства со всѣмъ великорусскимъ племенемъ, въ какія бы захолустья ихъ ни заносила судьба.

✓

4422
1929

